

Александр Амфитеатров

О равноправии

Александр Валентинович Амфитеатров

О равноправии

Серия «Женское нестроение», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2784055

Аннотация

«Я такъ много писалъ, въ послѣдніе годы, по женскому вопросу, что мнѣ распространяться о своемъ отношеніи къ чаемому равноправію женщины и мужчины было бы излишне, если бы не естественное и цѣлесообразное желаніе, свойственное всякому катехизатору: лишній разъ прочитатъ вслухъ свой символъ вѣры. По моему глубочайшему убѣжденію, женское равноправіе – единственное лекарство противъ язвъ соціального строя, разѣдающихъ современную цивилизацію одинаково и въ хорошихъ, и въ дурныхъ политическихъ условіяхъ. Нѣтъ политическихъ строевъ, которые не ветшали бы до необходимости обновиться назрѣвшимъ соціальнымъ переворотомъ...» *Произведение дается в дореформенном алфавите.*

Александр Валентинович Амфитеатров О равноправіи

Я такъ много писалъ, въ послѣдніе годы, по женскому вопросу, что мнѣ распространяться о своемъ отношеніи къ чаемому равноправію женщины и мужчины было бы излишне, если бы не естественное и цѣлесообразное желаніе, свойственное всякому катехизатору: лишній разъ прочитатъ вслухъ свой символъ вѣры. По моему глубочайшему убѣжденію, женское равноправіе – единственное лекарство противъ язвъ соціального строя, разъѣдающихъ современную цивилизацію одинаково и въ хорошихъ, и въ дурныхъ политическихъ условіяхъ. Нѣтъ политическихъ строевъ, которые не ветшали бы до необходимости обновиться назрѣвшимъ соціальнымъ переворотомъ. Культура ширится, прогрессъ раздвигаетъ свои рамки, стирая грани между старыми сословіями, но соціальная лабораторія неутомима, и глубина жизни поднимаетъ все новые и новые пласты человѣческіе съ заявленіями о законномъ ихъ правѣ на личную свободу, на гражданское равенство, на долю въ контролѣ государственныхъ союзовъ. XVIII вѣкъ вошелъ въ жизнь съ двумя политическими сословіями, а кончилъ жизнь – съ тремя. Изъ нихъ третье, новое опередило и опустило ниже себя два

первыя, старшія. XIX вѣкъ далъ въ наслѣдство XX четыре сословія. Изъ нихъ, опять-таки, новое, четвертое, оказывается наиболѣе жизнеспособнымъ, могучимъ и грозно наступаетъ на три первыя. У насъ въ Россіи это наступленіе уже обострилось повсемѣстно въ ярко выраженныхъ формы разнообразныхъ революціонныхъ вспышекъ. Въ Европѣ умѣряемое политикою мирныхъ компромиссовъ, оно зрѣетъ, глухо тлѣя и копя тепловую энергію иодъ пепломъ внѣшняго спокойствія. Историческая побѣда четвертаго сословія фатальна. Ее равно бессильны парализовать и пушки, и конституціи. Можно тормозить – нельзя остановить. Можно затянуть сроки – нельзя уничтожить. Міръ отбылъ революцію правъ человѣка и живетъ въ революціи труда.

Слѣдующею міровою революціей прогрессъ выдвинетъ – революцію пола. За революціями равенства въ государствѣ и обществѣ – революція равенства въ семьѣ. Эта революція – на очереди, но она не необходима въ смыслѣ острой классовой борьбы, потому что слишкомъ предвидима. Въ злую необходимость борьбы она можетъ вырѣть только въ томъ случаѣ, если четвертое сословіе, въ торжествѣ надъ эпохою, пренебрежетъ пятымъ, не подумавъ объ его нуждахъ, какъ, сто лѣтъ назадъ, торжествующее третье сословіе не подумало о нуждахъ четвертаго. Пятымъ сословіемъ, ждущимъ равноправія государственнаго, общественнаго и семейнаго, являются женщины. И это пятое сословіе, конечно, – наиболѣе могучее изъ всѣхъ четырехъ, потому что оно прони-

каеть всѣ остальные. Даже оставляя въ сторонѣ убѣжденія и доводы гуманности, справедливости и прочихъ психическихъ факторовъ и моторовъ прогресса, которые очень хорошо звучать, но на большинство изъ нашего брата, мужчинъ, дѣйствуютъ въ женскомъ вопросѣ не сильнѣе, чѣмъ душеспасительное слово на Плюшкина; даже оставаясь на почвѣ сухой логики; даже наблюдая ростъ вѣка только съ эгоистической точки зрѣнія историческаго практицизма, – эпоха наша должна, во что бы то ни стало, вызвать и привить къ жизни равноправіе женщины, чтобы гарантировать отъ экономическаго раздора и краха ту самую новую цивилизацію, которую она стремится создать: чтобы революція труда, послѣ кратковременнаго торжества, не омрачилась революціей пола. Но все это я весьма часто и подробно развивалъ въ статьяхъ, изъ которыхъ составилось мое «Женское Нестроеніе», а по тому умолкаю, дабы не впасть въ многорѣчіе повтореній.

Одно лишь замѣчаніе. Удивительно, чудотворно летять впередъ событія! Когда три года назадъ я печаталъ статьи, доказывая безсиліе всѣхъ современныхъ мѣръ борьбы съ проституціей, потому что къ исцѣленію этой глубочайшей соціальной язвы можетъ быть дѣйствительно лишь одно средство – равенство женщины съ мужчиною въ трудѣ, образованіи, въ семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ правахъ, – меня встрѣтили не только ругательства обскурантовъ и стародумовъ, но и недоброжелательная поле-

мика многихъ людей передового образа мыслей. Меня упрекали, что я проповѣдую любовь къ дальнему въ ущербъ любви къ ближнему и чуть-ли не убѣждаю общество къ квіэтизму, отклоняя умы отъ симпатій къ полезнымъ палліативамъ во имя коренныхъ реформъ, невозможныхъ и, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно отдаленныхъ. Но вотъ прошло всего два года, и эту коренною реформою, будто бы невозможною и, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно отдаленною, кипитъ вся Россія. Ею возбуждены всѣ русскіе женскіе умы. Вопросъ о государственномъ представительствѣ, выдвинутый для отечества нашего ХХ вѣкомъ, внезапно оказался въ такой тѣсной смежности и взаимозависимости съ подспудно назрѣвшими требованіями женскаго равноправія, что, даже получивъ счастливое разрѣшеніе, врядъ-ли онъ въ состояніи будетъ укрѣпить свои устои, не цементируя ихъ удовлетвореніемъ гражданскихъ запросовъ до сихъ поръ безправнаго пола. Десять лѣтъ тому назадъ о половомъ равноправіи сознательно мечтали въ Россіи едва-ли не сотни женскихъ головъ, – сейчасъ ихъ уже десятки тысячъ. Изъ городовъ въ столицу летитъ вопль женскихъ митинговъ и адресовъ. И вопль этотъ – совсѣмъ не прежній вопль исключительныхъ натуръ женской «эмансипаціи»: кричатъ не «фэминистки», не «синіе чулки», не «семинаристы въ желтой шали и академики въ чепцѣ», – завопила женщина массовая, женщина семьи, потому что – опять повторю одно изъ положеній «Женскаго Нестроенія» – женская равноправность есть эконо-

номическая необходимость современной семьи, и безъ трудового равенства супружеской пары, семья осуждена на разрушеніе, ибо становится со дня на день роскошью, обществу все болѣе и болѣе недоступною по заработнымъ средствамъ.

Къ глубокому сожалѣнію, въ то время, какъ русскій женскій ирогрессъ нашель такъ быстро и опредѣленно колею къ массовому дзиженію, въ то время, какъ широко пробудившійся общественный инстинктъ ведетъ русскую женщину къ вѣрной гражданской побѣдѣ, я вижу, что даже благожелательная къ движенію часть нашей печати продолжаетъ пестрѣть тѣми благосклонно оскорбительными «анекдотами о женскомъ умѣ», читая которые, я всегда омрачаюсь непріятнѣйшими сомнѣніями о наличности и зрѣлости русскаго женскаго вопроса.

Какъ въ щедринскія времена, такъ и сейчасъ благожелательныя перья скрипятъ патетическими восклицаніями: «Развѣ телеграфистки не доказали? развѣ учительницы не доказали? развѣ женщины-врачи не доказали?» По прежнему равенство вымалливается, какъ отличіе, какъ похвальный листъ за благонравіе и успѣхи. Все еще нѣтъ сознанія, что оно – не орденъ, вѣшаемый высшимъ на низшую за интеллигентность и услужливость, но естественное половое право, должное дѣйствовать одинаково во всѣхъ слояхъ общества силою самодовлѣющей справедливости, по законамъ исторической логики, непреложно диктуемымъ экономическими тяготами прогресса.

Среди разсуждений, порожденных и подкрепляемых «анекдотами о женском умѣ», меня поразило неожиданною наивностью одно – судя по газетнымъ откликамъ, имѣвшее, кажется, успѣхъ значительный, хотя и своеобразный. Одна изъ дѣятельницъ русскаго женскаго вопроса внесла къ чаяніямъ полового равноправія поправку необычайной внезапности, – въ полномъ смыслѣ слова законодательный экспромптъ. Формула поправки такова: «Избирательное право должно имѣть въ виду въ качествѣ избирательницы только женщину-матрону, женщину, уже отслужившую роду и закончившую воспитаніе дѣтей, если таковыми наградила ее судьба». Мотивировка формулы: «Кто же изъ молодыхъ женщинъ – будь она хотя семи пядей во лбу – въ состояніи принять на себя отвѣтственность за участіе въ веденіи государственнаго корабля въ томъ возрастѣ, когда бьетъ ключемъ личная жизнь, а въ духовной области одно увлеченіе, одинъ порывъ смѣняется другимъ?» Выводъ: «Если избирательницами могутъ быть всѣ женщины, достигшія 25-лѣтняго возраста, то избранницей можетъ быть именно только женщина-матрона, которая уже была матерью, какъ женщина, уже обладающая полною гармоніей всѣхъ своихъ силъ и богатствомъ опыта жизни». Подписано, – Авчинникова-Архангельская.

У насъ на Руси любятъ «звукъ». Зналъ же я поручика, который хотѣлъ ѣхать сражаться за Мадагаскаръ, потому что, говорить, – Мадагаскаръ – этакое слово молодецкое! «Матроны» г-жи Авчинниковой-Архангельской звучать красиво, и многимъ пришлось удивительно, какъ по вкусу, чтобы въ предполагаемомъ смѣшанномъ парламентѣ российскомъ засѣдали матроны. У!.. Римляне!

Къ сожалѣнію, въ новоявленномъ римскомъ пристрастіи добрыхъ россиянь кроются большія недоразумѣнія историко-филологическаго свойства, препятствующія мнѣ раздѣлить ихъ восторги къ матронамъ. Дѣло въ томъ, что «матрона» – кличка самой двусмысленной условности. Если мы обратимся къ раннимъ эпохамъ Рима, когда слово «матрона» было окружено благоговѣйнымъ почтеніемъ, то увидимъ, что оно обозначаетъ женщину гинекея, которая, обрѣтаясь «въ мужней рукѣ», смиренно «сидать дома и прядеть шерсть» – слѣдовательно, является воплощеннымъ отрицаніемъ всякой общественной дѣятельности, а потому и принципиально, и практически не годится рѣшительно ни въ какой парламентъ. Этого мнѣнія крѣпко держался и старый римскій сенатъ: вспомните легенду о Претекстатѣ! Матрона республики отрицаетъ женскій вопросъ. Если мы обратимся къ Риму императорскому, то встрѣтимъ матрону Тацита, Светонія, Марціала, Ювенала; – эту матрону женскій вопросъ отрицаетъ. Въ «Satyricon» Петронія «matrona» далеко не почтенная кличка. Новые языки латинскаго происхож-

денія и народы романской цивилизаціи унаслѣдовали «матрону» больше во вкусѣ Петронія и Марціала, чѣмъ въ духѣ добродѣтельной эпохи, когда грибы воевали, и Лукреція пронзала себя кинжаломъ, въ наказаніе всѣмъ будущимъ туристамъ, шатающимся по картиннымъ галлереймъ Европы. Въ Италиі – особенно на югѣ полуострова и въ Сициліи – назвать женщину *matrona* не только неудобно, но даже и небезопасно, ибо, съ позволенія вашего сказать, этотъ комплиментъ обозначаетъ «сводню». Въ языкѣ французскомъ «*matrone*» обозначаетъ повивальную бабку-знахарку, ироническое жаргонное ругательство, въ родѣ нашего «эка фря!» и... содержательницу непотребнаго дома! Итакъ, не будемъ обольщаться звукомъ «матроны».

Какъ видите, историческая эволюція перенесла этотъ красивый ярлыкъ на элементы столь антисоціальные, что уповать на нихъ никакое народное представительство не можетъ, а женское равноправіе, въ числѣ своихъ ближайшихъ задачъ, къ тому-то и стремится, чтобы истребить подобные элементы изъ цивилизаціи.

Покончивъ съ «матроною», какъ историко-филологическимъ недоразумѣніемъ, займемся тѣмъ образомъ, который ошибочно рисуется подъ этимъ именемъ воображенію г-жи Авчинниковой-Архангельской, какъ политической идеаль, и рекомендуется къ исключительному заполненію имъ женской половины въ Россійской Государственной Думѣ. Великій русскій философъ Кузьма Прутковъ говоритъ, «что

дѣвицы подобны шашкамъ, каждая изъ нихъ норовить выйти въ дамки», къ сожалѣнію своему, я усматриваю не только подтвержденіе, но и ноощреніе этого скептическаго афоризма въ «матрональномъ проектѣ г-жи Авчинниковой-Архангельской, закрывающемъ гражданскую дѣятельность для дѣвиць, не успѣвшихъ выйти въ дамки. «Выходъ въ дамки», то-есть замужество, такимъ образомъ, полагается въ основу гражданскаго ценза, и свобода женщины дебютируетъ тѣмъ, что женщина должна быть отдана въ опеку мужчины! Столь матримоніальный и матрональный исходъ женскаго равноправія приводитъ въ справедливый восторгъ всѣхъ любителей, чтобы хорошія слова громко топтались на мѣстѣ, не переходя въ дѣло, и, въ то время, какъ прекрасныя мысли звучать металломъ звенящимъ, дѣйствительность увязала бы въ болотѣ впредь до грядущихъ намъ на смѣну поколѣній, либо даже, подъ шумокъ, сползала бы потихоньку подъ гору, назадъ! Одинъ изъ покровниковъ «матрональнаго проекта» уже успѣлъ договориться до афоризма, что, само собою разумѣется, гражданскія права должны быть открыты только замужней женщинѣ, такъ какъ сама по себѣ женщина есть пустая форма, а содержаніемъ ее наполняетъ мужчина! Великолѣпно! Еще одинъ шагъ, и мы – въ Коранѣ Могаммеда: «Женщина есть поле для посѣва мужчины», – и въ гостяхъ у византійскихъ монаховъ, увѣрявшихъ, будто женщина подобна кошельку съ золотомъ, покуда она беременна, и не стоитъ больше вытряхнутаго кошелька, какъ скоро не носить

плода. Мудрено серьезно спорить съ подобными откровенностями! «Равноправіа, такъ равноправіа, – чортъ возьми!»

Какъ кричить на вдову Попову чеховскій «Медвѣдь». Разъ бракъ и дѣторожденіе признаются цензомъ для политической дѣятельности, я тоже предлагаю проектъ: избираемъ въ Государственную Думу можетъ быть только мужчина, доказавшій свои производительныя способности въ количествѣ браковъ, отъ одного до трехъ, дозволенныхъ по закону. И такъ какъ три доказательнѣе одного, то предпочтеніе должно быть оказано, конечно, тѣмъ кандидатамъ, кои, уже уморивъ неумѣреннымъ дѣторожденіемъ двухъ женъ, патріотически продолжаютъ тотъ же цензовый процессъ съ третьею. Торжеству матронъ да соотвѣтствуетъ торжество *pater familias*'онъ, и безправіе дѣвицъ да падеть и на головы холостяковъ!

Я недоумѣваю, почему и зачѣмъ, собственно, понравилось г-жѣ Авчинниковой-Архангельской воображать себѣ государственную думу какою-то богадѣльнею для охочихъ поговорить старухъ, истощенныхъ долгимъ дѣторожденіемъ? Историческихъ основаній для учрежденія подобной богадѣльни Россія не имѣетъ рѣшительно никакихъ. Смѣю взять на себя отвѣтственность, что я занимался исторіей русской женщины и немножко ее знаю. И – прошу извиненія у г-жи Авчинниковой: – думаю, что она съ исторіей этой считается слишкомъ небрежно. Иначе она не упустила бы изъ виду, что исторически засвидѣтельствованный полити-

ческой интересъ къ жизни отечества былъ въ прошлой женской Россіи всегда достояніемъ той именно части женщинъ, которую она отметаеъ отъ роли политическихъ избранницъ, то есть дѣвушекъ и молодыхъ женъ. Такъ было чуть не отъ допотопной Ольги къ Анастасіи, женѣ Грознаго, отъ царевны Софіи къ княгинѣ Дашковой, отъ Надежды Дуровой къ женамъ декабристовъ, къ тургеневскимъ женщинамъ, къ героинямъ социалистическихъ романовъ и политическихъ процессовъ. Я ни мало не сомнѣваюсь, что Россія обладаетъ не однимъ десяткомъ женщинъ въ возрастѣ, желательномъ матрональному проекту, въ 40, въ 50, даже въ 60 лѣтъ, которыя, разъ откроется имъ доступъ въ государственную думу, должны быть и будутъ избраны par acclamation: настолько ярки, велики и внушительны ихъ заслуги предъ обществомъ по просвѣщенію и развитію народа, по всей совокупности службъ своихъ его политическому, социальному, экономическому и этическому прогрессу. Для примѣра назову хотя бы М. К. Цебрикову, недавно отпраздновавшую безъ праздника свой, уже 35-лѣтній, юбилей дѣятельности. Но не ясно ли, что именно къ этимъ-то достойнымъ женщинамъ менѣе всего доходитъ мѣрка предлагаемаго ценза матрономъ, о которомъ съ такимъ умиленнымъ краснорѣчіемъ заговорили теперь въ Россіи *langues bien pendues*, какъ о нѣкоемъ спасительномъ компромиссѣ. Неужели, не будь въ жизни Софьи Ковалевской случайности брака, вы оставили бы ее за стѣнами государственной думы? Я знаю сотни, ес-

ли не тысячи, юныхъ русскихъ дѣвушекъ и женщинъ, сторающихъ политическимъ и общественнымъ интересомъ до полного забвенія своей личности. Но – какая рѣдкость донести этотъ священный огонь до пожилыхъ лѣтъ, черезъ мучительныя мытарства брака, дѣторожденія, дѣтовоспитанія. Русская культурная лѣтопись крайне рѣдко отмѣчаетъ измѣну женщины передовымъ убѣжденіямъ, подъ давленіемъ внѣшнихъ грозъ: подъ тучами, молніями и громами наши политическія женщины всегда высказывали больше стойкости и отваги, чѣмъ мужчины. Но та же лѣтопись полна унылыми примѣрами внутренняго перерожденія женщины подъ вліяніемъ именно тѣхъ факторовъ, которыми обставляють «матроналисты», какъ цензовыми условіями, ея допущеніе къ политической дѣятельности, – подъ вліяніемъ тяжелаго брака, частаго дѣторожденія, труднаго дѣтовоспитанія. И – винить ли этихъ невольныхъ измѣнницъ и забвенницъ молодого идеала? Виноваты ли Тургеневскія героини, что выродились въ Чеховскихъ обывательницъ?

Богъ на помощь! Бросайся прямо въ пламя

И погибай!

Но тѣхъ, кто несъ твое когда-то знамя,

Не проклинай!

Не выдали онѣ, – онѣ устали

Свой крестъ нести:

Покинуть ихъ Богъ мести и печали

На полпути!..

Это – такъ, но нравственное право устроить благо и порядокъ народовъ принадлежить, конечно, не усталымъ и отсталымъ, а тѣмъ, кого тотъ же самый поэтъ привѣтствовалъ, какъ «юныхъ съ бодрими лицами, съ полными жита кошницами». «Кто работаетъ, тотъ и хозяинъ», – хорошо говоритъ Ниль въ «Мѣщанахъ» Горькаго. Съ тою молодою женскою Россіей, которую формула «матроналистовъ» отстраняетъ отъ правъ избранія, сдѣлана чуть ли не вся черная работа политической и соціальной культуры въ нашемъ отечествѣ. Читатель, если знакомъ съ исторіей нашего просвѣщенія, знаегъ, что это такъ, и, надѣюсь, не посѣтуетъ на меня, если я, краткости ради, оставлю его безъ избитыхъ «анекдотовъ о женскомъ умѣ» и традиціонныхъ воплей: «развѣ телеграфистки не доказали? развѣ учительницы не доказали? развѣ женщины-врачи не доказали?»

Всѣ «доказали»; и тѣмъ болѣе дикое впечатлѣніе производитъ формула, отстраняющая отъ государственнаго представительства доказавшихъ и доказывающихъ, чтобы отдать его поколѣнію, фатально обреченному на превосходство узко-семеинаго интереса надъ общественнымъ и политическимъ. «Избранной можетъ быть только женщина-матрона, которая уже была матерью, какъ женщина, уже обладающая полной гармоніей всѣхъ своихъ силъ и богатствомъ опыта жизни». «Другъ мой, Аркадій Николаевичъ! ради Бога, не говори красиво»!.. Материнство – великое, святое назначеніе, но ве-

личіе и святость его заключены именно въ томъ тайномъ самоотреченіи и самоубійствѣ организма, которое оно мистически подразумѣваетъ. Какъ можно говорить о «гармоніи силъ», приобрѣтаемой чрезъ дѣторожденіе, когда любой учебникъ фізіологіи объяснитъ вамъ, что роды – роковыя вѣхи послѣдовательнаго увяданія женщины, начиная именно съ ея интеллекта? Какъ можно воспрѣвать политическое, «богатство опыта», получаемое въ бракѣ, какъ нѣкую политическую силу, когда этотъ опытъ – опытъ Наташи Ростовоы – заключень въ дѣтской, въ спальнѣ, въ кухнѣ и въ мужниномъ кабинетѣ?

Будь ты проклять, растлѣвающій,
Пошлый опытъ, умъ глупцовъ! —

крикнулъ когда-то, измученный жизнью, поэтъ, уже дважды сегодня, кстати, снабдившій меня своими стихами. Я очень боюсь, чтобы тотъ богатый опытъ, которымъ доврчиво прельщаетъ насъ программа матроналистовъ, не былъ приготовленъ именно по некрасовскому рецепту. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что между русскими замужними женщинами много богатырскихъ натуръ, счастливо пронесшихъ свой молодой политической закаль сквозь Кавдинскія ущелья супружества цѣлымъ и невредимымъ. Но это – исключительныя природы, и возводить ихъ въ иостоянный примѣръ – значитъ опять-таки рассказывать «анекдоты объ умѣ женщ-

инь», а не изыскивать матеріалы къ серьезной политической организаціи. Въ общемъ, въ среднемъ, современный русскій бракъ есть школа не политическая, но антиполитическая, и снабженъ для женщины отнюдь не шпорами къ соціальной мысли и дѣйствию, но, наоборотъ, весьма крѣпкою и ловко приспособленною уздою. Честь и слава тѣмъ будущимъ представительницамъ русскаго народа, которыя, вопреки удѣлу, окажутся достойными своей общественной роли, – и я не сомнѣваюсь, что, благодаря уму, общей талантливости и упорству въ многотерпѣніи, такъ свойственнымъ русской женщинѣ, число подобныхъ политическихъ избранницъ будетъ очень велико. Но я не понимаю логики, опредѣляющей испытаніе брачною уздою, какъ мѣрило пригодности къ общественной роли. Хорошо слагалась бы жизнь государствъ, если бы политическая дѣеспособность мужчинъ провѣрялась ихъ «брачнымъ опытомъ»! На этомъ удивительномъ экзаменѣ провалились бы, какъ неучи, Мирабо, Дантонъ, Робеспьеръ, Наполеонъ Бонапарте, Бенжамень Констанъ, Берне, Байровъ, Гоголь, Тургеневъ, Гамбетта, – все сквернѣйшіе мужья или закоснѣлые холостяки, но получили бы пальму первенства смотритель богоугодныхъ заведеній Земляника и Иванъ Антоновичъ Расплюевъ.

Молодость и дѣвичество тысячъ русскихъ женщинъ увяли въ борьбѣ за русскій прогрессъ и – часто, увяданіе ихъ было страшное: подъ сибирскими снѣгами, въ тюремныхъ стѣнахъ, въ тифозномъ или холерномъ баракѣ, на полѣ сраженія

– сестрою милосердія, въ промерзлой школь, на голодномъ пайкѣ сельской учительницы. И теперь, когда русскому прогрессу улыбаются, наконецъ, кое-какія надежды, вы, господа изобрѣтатели небывалыхъ россійскихъ матронъ, вдругъ ставите между этими надеждами и тою женскою арміей, которая ихъ завоевала, провѣрочную стѣну «брака честна и ложа нескверна»? Вы требуете метрическихъ свидѣтельствъ? Вы отбрасываете политическую роль женщины отъ возраста, когда общественнымъ интересомъ полна и кипитъ жизнь, къ возрасту растраченныхъ силъ, истощенной физической энергіи и, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, семейнаго эгоизма? Женщинъ предлагаютъ сперва закончить воспитаніе своихъ дѣтей, а потомъ уже претендовать на представительство въ государствѣ. Да когда же «заканчивается» оно, воспитаніе дѣтей, матерью? гдѣ хронологическій предѣлъ материнскому общенію съ дѣтьми?! Арина Петровна Головлева считаетъ себя уже воспитавшею дѣтей, если они «пораспиханы» по училищамъ, а госпожа Простакова не надышется на Митрофанушку до возраста, когда – «не хочу учиться, а хочу жениться».

Вы скажете: ну, къ чему тутъ приплетены Арина Петровна Головлева и госпожа Простакова? Что имъ избирательная Гекуба и что онѣ ей?.. Какъ, что, господа?! Да вѣдь это же «матроны», матроны именно по рецепту новой формулы, съ взрослыми дѣтьми, какъ доказательствомъ «гармоніи своихъ силъ». Если бы *lapsus calami* г-жи Авчинниковой-Ар-

хангельской какимъ-либо чудомъ получилъ силу закона, то, по точному его смыслу, г-жи Простакова и Головлева оказались бы предъ избирателями куда болѣе въ выгодныхъ позиціяхъ, чѣмъ... но удержимся и на сей разъ отъ «старинныхъ анекдотовъ о женскомъ умѣ» и ограничимся первымъ, ближайшимъ къ намъ примѣромъ: чѣмъ... сама г-жа Авчинникова-Архангельская.

Энергическая и шумная борьба этой писательницы противъ регламентаціи проституціи, конечно, давала бы ей полную возможность поставить свою кандидатуру, если бы существовало у насъ женское избирательное право. Но вѣдь всего еще годъ тому назадъ г-жа Авчинникова-Архангельская была только г-жа Авчинникова, и я очень сомнѣваюсь, чтобы за одинъ годъ замужества она успѣла обратиться въ пожилую матрону и закончить воспитаніе своихъ дѣтей. А – не въ обиду будь сказано автору матрональной формулы – въ дѣвическихъ рѣчахъ г-жи Авчинниковой противъ названной выше соціальной язвы было много больше общественнаго значенія, чѣмъ теперь въ проектѣ замужней г-жи Авчинниковой-Архангельской – обратить женское избирательное право въ организацію поощренія къ «выходу въ дамки». Я отнюдь не принципиальный врагъ семьи и брака, какъ случилось мнѣ читать въ полемическихъ статьяхъ, обыкновенно дамскаго авторства. Но, по глубочайшему моему убѣжденію, современный мужерабочій и мужевластный строй, обезсилевъ въ трудоспособности и про-

изводительности, довелъ институты эти до столь глубокаго паденія нравственнаго и матеріальнаго, что коренная реформа ихъ — дѣло столь же насущное и близкое, какъ неожиданно близкимъ и очереднымъ выплылъ наверхъ вопросъ женскаго равноправія. Я далеко не принадлежу къ отрицателямъ возможности для женщины успѣшно соединить супружество и материнство съ общественною дѣятельностью. Исторія и жизнь даютъ намъ слишкомъ много доказательствъ, что тысячи сильныхъ женскихъ натуръ весьма успѣшно соединяють плодотворный рабочій практицизмъ съ плодотворнымъ же брачнымъ состояніемъ, — и нѣтъ никакого сомнѣнія, что женщина въ бракѣ займетъ со временемъ въ народныхъ представительствахъ особенно вліятельное положеніе, И всего болѣе увѣряють меня въ этомъ славянскія семейныя женщины въ государствахъ, пользующихся политической свободой, хотя еще и не распространенною на женскій полъ: чешки, зарубежныя польки, болгарки — въ родѣ, напр., Екатерины Каравеловой, которой принадлежитъ добрая половина дѣятельности ея знаменитаго мужа, что не воспрепятствовало ей народитъ весьма изрядное количество отличѣйшихъ дѣтей. Но я не вижу никакого резона и не могу отнестись иначе, какъ съ большою антипатіей, къ мысли внести въ женскій избирательный цензъ иачало, котораго нѣтъ въ мужскомъ, подчинять политическія права женщины экзамену ея половой опытности. Какъ извѣстно всякому, даже не изучавшему курса акушерства, рожденіе политическихъ

идей и рожденіе дѣтей имѣють совершенно различныя источники, и смѣшивать два эти ремесла нѣтъ никакого основанія. Поэтому я встаю противъ формулы, пытающейся сдѣлать женское представительство привилегіей брака и материнства, – одинаково, какъ возсталъ бы, если бы явилась формула, требующая, чтобы женское представительство было привилегіей дѣвства и бездѣтности, и какъ возставалъ, когда подобныя ограничительныя требованія предъявлялась къ представительницамъ столь скуднаго въ Россіи женскаго труда¹. Дѣвство, бракъ, материнство, бездѣтность – это внутренніе вопросы пола, разрѣшаемые самимъ поломъ, по свободѣ убѣжденія и совѣсти. Государственнаго положенія и государственной роли женщины, разъ восторжествуетъ принципъ равноправія, они рѣшать не должны, какъ теперь не рѣшаетъ мужской пригодности къ государственной карьерѣ холостое или брачное состояніе, обильное дѣтопроизводство или бездѣтность мужчины. Политикѣ нужны не матроны, не весталки – ей нужны гражданки. И столько же неудачнымъ и нежелательнымъ цензовымъ критеріемъ, какъ половой опытъ, представляется мнѣ, – повторяю, матрональный возрастъ. Міръ достаточно натерпѣлся отъ политики, которую вѣками дѣлали старики, чтобы мечтать о политикѣ, которую будутъ дѣлать старухи, Равенство половъ въ государствѣ должно выражаться и равенствомъ правового ценза: образо-

¹ См. въ «Женскомъ Нестроеніи» статьи противъ обязательнаго безбрачія городскихъ учительницъ.

вательстваго ли, имущественнаго ли, возрастнаго ли.

Въ заключеніе – два слова къ русскимъ женщинамъ, ищущимъ равноправія. Милостивыя государыни и будущія гражданки! Не заботьтесь, въ вашемъ справедливомъ походѣ за общественными правами, изыскивать компромиссы практическихъ уступокъ и предлагать ограничительные исходы. Будьте увѣрены, что охотниковъ ограничить васъ, вынудить къ практическимъ уступкамъ и навязать вамъ призрачные компромиссы права, вмѣсто его реальности, всегда найдется больше, чѣмъ вы желаете. Ваша задача не сужать, но расширять женскія требованія. Кто ищетъ всего – находитъ много. Кто ищетъ «сколько-нибудь» – не находитъ ничего.